

G.R. Tsetskhladze

The article considers Athenian and Sinopean penetration into Colchis. The author believes that Greek necropolis of the V and IV c. B.C. in Pichvnari is connected with the appearance of an Athenian settlement in the Western Georgia dating back to the 70s – 50s V c. B.C., which is proved by the abundance of the Attic pottery. The Sinopean influence and imports can be found in all settlements in Colchis since the mid. IV c. B.C. Local Colchian imitations of Sinopean vessels and amphorae appear since the second half of the IV c. B.C. The author traces the Greek influence in the economy and spiritual life of the Colchians which were particularly noticeable in the religion professed by the rank and file Colchians.

Эллинизм: политическая практика и культурная традиция

© 1998 г.

НА РУБЕЖЕ. КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА

Эллинистическая эпоха – легко определима как период с 323 по 30 г. до н.э., и эллинистическая история должна рассматриваться как исследование греческого мира – и старого, и нового. В него входили, согласно П. Грину, «не только грекоязычные города и государства (как противоположность тем, которые просто использовали аттический диалект койнэ в качестве *lingua franca*), но также и гораздо более обширные территории, совершенно чуждые по языку и культуре греческому духу, которые были присоединены насильственным путем и в полном смысле слова эксплуатировались иностранными завоевателями – греками, македонянами, а позднее – римлянами»¹. Любопытно, что Понтийское царство вряд ли может быть включено в эллинистическую историю, исходя из данного определения, за исключением давно основанных греческих городов побережья, существования которых достаточно для того, чтобы признать в основном негреческую территорию царства частью эллинского мира². Здесь едва ли уместно говорить о подчинении иностранным завоевателям: македоняне лишь в течение короткого времени предъявляли права на эту страну, но никогда не владели ею и не эксплуатировали ее ресурсов. В том ограниченном масштабе, в котором она вошла в греческий мир, это было сделано благодаря эллинизованным представителям местной иранской правящей династии (посредством эллинизации изнутри), или, время от времени, с помощью других монархов, бесспорно, эллинистического происхождения – таких, как Селевкиды.

Возможно, главной особенностью понтийской истории, по крайней мере, до времени Митридата Евпатора (или, быть может, до его деда Фарнака), является постоянная удаленность Понта от основного потока нашей исторической ин-

¹ *Green P. Alexander to Actium. The Hellenistic Age. L., 1990. P. XV.*

² Действительно, Понтийскому царству уделено лишь несколько мимолетных замечаний в отличном исследовании Ф.В. Уолбэнка (*Walbank F.W. The Hellenistic World. Ed. 2. L., 1992*). Это обстоятельство почти наверняка объясняется недостатком места в сравнительно небольшой по объему работе, но, возможно, оно символизирует также и "окраинный" характер Понта.

формации. Аппиану (Mithr. 8) даже неизвестно, кто управлял страной до македонян, была ли она независима или подчинена персам (хотя он знает, что Аμισ в течение долгого времени пребывал под властью персидских царей – Mithr. 83). Пока Понт действительно оставался частью Персидской империи, он находился у северного предела державы, и мы слышим о нем очень мало³. Большинство народов, живших в той части Малой Азии, которая позднее составила Понтийское царство, было включено, согласно Геродоту, в третью сатрапию (III. 90. 2), но ее столица Даскилий была расположена далеко на западе, и контроль, поддерживаемый оттуда над восточными частями сатрапии, не мог быть прочным. Некоторые из понтийских племен, проживавших далее к востоку вдоль южного побережья Черного моря, входили в более удаленную девятнадцатую сатрапию (Herod. III. 94. 2). У персов здесь не было дорог для контроля за районом, и в целом северная часть Малой Азии кажется изолированной частью Персидской империи⁴. Если местные народности и были в основном предоставлены сами себе, они, однако, должны были платить дань и выполнять другие требования персидской короны. Во время Кира пафлагонцев вознаградили за добровольное признание его власти тем, что они не были включены в сатрапию, хотя все же были обязаны платить дань (Хер. Суг. VIII. 6. 8). И когда Ксеркс приказал строить корабли для вторжения в Грецию во всех прибрежных областях своей державы, Вифиния и Понт вошли в их число, так же, как и геллеспонтийцы, а те, кто живет на Понте, предоставили 80 кораблей (Diod. XI. 23). Нам не известно, какие именно города снаряжали корабли, но трудно представить, что среди них не было Синопы.

Черноморская экспедиция Перикла, предпринятая поколением позже, привела к тому, что южнопонтийские города были выведены из-под персидского контроля на всю вторую половину V в. до н.э. (Plut. Per. XX. 1–2). Победа греков в 480/479 г. до н.э., вероятно, так или иначе ослабила персидскую власть, как это, кажется, было в случае с каппадокийским тираном в Амисе (возможно, именно в это время) (Theop. FGrH 2B, 115 F 389), и военачальник Перикла Ламах должен был изгнать тирана Тимесилея из Синопы. Теперь Синопа приняла шестьсот афинских поселенцев⁵. Включение в этот период в основное русло греческой истории дорого обошлось городам Понта: во время Пелопонесской войны они вошли в Афинскую империю и должны были платить форос. Мы мало знаем о деталях этих событий, но ими было затронуто более 40 припонтийских городов⁶. Гераклея сначала отказалась делать свой взнос, но в конце концов и она уступила⁷. После поражения в 404 г. до н.э. Афинская империя, естественно, распалась, и греческие города южного побережья Понта Эвксинского предположительно вернулись к своему прежнему статусу в составе Персидской империи. Когда сюда прибыли греки экспедиции Ксенофонта, то они обнаружили, что Синопа взимает дань со своих колоний Котиоры, Керасунта и Трапезунта (Хер. Анаб. V. 5. 10). Это не обязательно означает, будто Синопа не платила подати Персии, но данный факт свидетельствует о том, что город располагал

³ «Кажется очевидным, что персидское присутствие перестало ощущаться неподалеку от прибрежных горных районов Пафлагонии» – Cook J.M. *The Persian Empire*. L., 1983. P. 182. Как было отмечено С.М. Берстайном, «возможно, показателем ограничения персидской власти в Северной Анатолии служит тот факт, что ни один понтийский народ не упоминается в каких-либо списках покоренных народов, составленных персидскими царями» (Burstein S.M. *Outpost of Hellenism. The Emergence of Heraclea on the Black Sea*. Berkeley, 1976. P. 113. Not. 38). О непрочности персидского господства в Малой Азии в целом см. Briant P. «Brigandage», dissidence et conquête en Asie Achéménide et Hellénistique // DHA. 1976. T. 2. P. 185.

⁴ См. Cook J.M. // CHU. V. 2. Cambr., 1985. P. 264 f.

⁵ О возможных эпиграфических свидетельствах, оставленных этими поселенцами, см. French D.H. *Sinorean Notes 2* // EA. 1991. Nt 18. P. 141–155: надгробные надписи 1, 3 и 5 принадлежат афинским гражданам.

⁶ Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F. *The Athenian Tribute Lists*. V. II. Princeton, 1949. P. 43, 2A9, 1. 126.

⁷ Burstein. Op. cit. P. 33f.

значительной свободой действий. Тем не менее со времени мятежного сатрапа Датама персидский контроль над греческими городами побережья стал, видимо, более ощутимым: Датам выпускал монеты со своим именем в Синопе и, возможно, в Амисе (Polyaen. VII. 21. 1); его сын Сисин, кажется, также чеканил монету в Синопе, а Ариарат – в Синопе и Газиуре⁸. Возможно, что именно в это время организация сатрапий в Центральной Анатолии была изменена посредством создания двух новых сатрапий, о которых упоминает Страбон (XII. 1. 4. С. 534); позднее они стали царствами Понт и Каппадокия.

Если Понту удавалось по большей части оставаться на окраинах как Персидской империи, так и греческой Эгеиды, то столь же верно, что он никогда не подпадал под действенный контроль македонян. Завоевания Александра не затронули понтийского региона (Just. Epit. XXVIII. 7. 2), и даже если Александр претендовал на господство здесь, он никогда не пытался достичь его на деле⁹. Как сообщает Аппиан (Mithr. 8), он оставил тут местных правителей на том условии, что они будут платить подати, а Гиероним полагал, что Александр вообще не имел дела со здешними народами. Позиции Ариарата остались непоколебленными, и он держал Северную Анатолию под контролем вплоть до своей смерти в 322 г. до н.э. от рук Эвмена, который только что был назначен сатрапом территориально значительно расширившейся Каппадокии¹⁰. Период борьбы между преемниками Александра был для Малой Азии временем чрезвычайной неустойчивости, но главные соперники были слишком заняты в других областях для того, чтобы беспокоить Понт. Представлять угрозу для него мог Лисимах, но его интересы реально не простирались сколько-нибудь далее на восток от Гераклеи¹¹. И хотя в 281 г. до н.э. Селевк I направил своего диоикета Афродисия для того, чтобы предъявить собственные претензии на этот район, в данный период северная часть Малой Азии явно оставалась вне сферы влияния Селевкидов: македонянам (т.е. Селевкидам) не понравилось, что Понтийская Каппадокия была вскоре преобразована в царство Понт, но они с этим ничего не могли поделать (Strabo. XII. 1.4. С. 534; App. Mithr. 9).

Как мы видели, источники по истории Понта периода персидского господства очень скудны, и они создают отчетливое впечатление, что страна находилась не только на окраине Персидской империи и тех областей, которые принадлежали ей, но и на периферии персидских интересов. Насколько верно такое представление? Мы можем быть уверены, что эта ситуация была порождена (по крайней мере, отчасти) тем обстоятельством, что Понт пребывал также и на периферии греческого мира и греческих интересов. Мы довольно много знаем о персидской истории в западной части Малой Азии, где присутствие персов концентрировалось вокруг столиц сатрапий, крупных городов Даскилия и Сард. Причина этого заключается в том, что именно здесь персидская история переплеталась с греческой, и потому она вызывала интерес у эллинских историков. В Понте такого соприкосновения не было, и соответственно не возникал исторический интерес у греков к этому государству. Но отсутствие письменных источников отнюдь не означает, что в северной части Малой Азии вообще не ощущалось персидского влияния. В частности, Л. Робер, мастерски исследовавший свидетельства из области эпиграфии, нумизматики, ономастики и религии, привлек наше внимание к ощутимому персидскому присутствию во многих областях Малой Азии, и наша осведомленность в этом постоянно возрастает¹². Идя

⁸ См. *McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden, 1986. P. 4. Not. 14; Atram M. Iranisches Personennamenbuch. Bd IV. Nomina propria Iranica in nummis. Vienna, 1986. P. 110f.*

⁹ См. *Burstein. Op. cit. P. 73.*

¹⁰ См. особенно *Briant P. Rois, tributs et paysans. Études sur les formations tributaires du Moyen-Orient. P., 1982. P. 13–18.*

¹¹ См. четкое изложение его карьеры и периода диадохов: *Lund H.S. Lysimachos. A Study in Early Hellenistic Kingship. L., 1992; также Burstein. Op. cit. P. 81–86.*

¹² См. работы Л. Робера, указанные в книге: *McGing. Op. cit. P. 10. Not. 38*, к которым нужно добавить: *Robert L. Documents d'Asie Mineure. P., 1987. Влияние идей Л. Робера можно увидеть, например, в следующих*

вслед за Л. Робером, Н. Секунда представил детальные исследования относительно персидской колонизации отдельных районов Малой Азии (хотя Понтийская Каппадокия в их число и не вошла)¹³. Он обнаружил, что персидское население здесь было иерархически организовано и возглавляли его сатрапы, князья, военная знать и их приближенные. Для Фригии Геллеспонтской, к примеру, он создал убедительную картину взаимоотношений между знатными княжескими династиями Фарнакидов, Спифридатидов и Ариобарзанидов, и представил гипотетическую, но по меньшей мере вполне возможную модель форм персидского присутствия в этих областях в низшем эшелоне общества и в углубленном масштабе. Относительно Понта исследователь не располагает информацией такого характера и такого объема, как для Даскилейской сатрапии. Более того, здесь не было столицы сатрапии, которая могла бы привлечь внимание персов и побудить их к заселению страны, пока Датам в IV в. до н.э. не разместил свою резиденцию в Синопе. Большая часть региона, помимо того, также могла быть не вполне пригодной для образа жизни персов: широкое присутствие персов в благодатных плодородных долинах западной части Малой Азии настолько же легко поддается объяснению, как и их отсутствие в «бесплодных горных регионах», каковыми являлись обширные территории Центральной и Северной Анатолии¹⁴. Если не существует свидетельств о сатрапах, князьях и военной знати в Понте, то что вообще может указывать на персидское присутствие здесь? В случае с Ликийей Н. Секунда доказывает, что поскольку Ахемениды не управляли ею как отдельной сатрапией и в обмен на уплату дани она в основном предоставлена самой себе, то «не приходится ожидать, что здесь обнаружатся какие-либо свидетельства о присутствии персидской знати или колонизации». Он и не находит их, несмотря на то что имеются очевидные указания на персидское культурное влияние в государственных институтах, монетном деле и архитектуре¹⁵. Следует ли отсюда, что в Понте из-за незначительной роли в течение длительного времени прямого персидского управления мы можем обнаружить такое же отсутствие заселения страны персами?

Начнем с самого очевидного – со знаменитых храмов персидских божеств Анаит, Омана и Анадата в Зеле (Strabo. XI. 8. 4. С 512; XII. 3. 37. С 559). Он был основан персидскими полководцами, «которые тогда находились в этой области» (οἱ ταῦτ' ἔτε τῶν Περσῶν στρατῆροί) для того, чтобы отпраздновать их победу над саками (скифами), возможно, в первой четверти VI в. до н.э. или немного позже, при Кире¹⁶. Хронологический контекст основания храма – борьба со скифами, и на такой ранней стадии ахеменидской истории в Малой Азии создание храма едва ли может быть приписано персидскому населению, которое уже обосновалось здесь. Более вероятно, как предполагает П. Бриан, что персидские колонисты принесли своих богов в Малую Азию, а утверждение их культов стало частью подуманной стратегии, на

исследованиях: Cook. Op. cit. P. 176–182; Debord P. Aspects sociaux et économiques de la vie religieuse dans l'Anatolie Gréco-romaine. Leiden, 1989. P. 264–267.

¹³ Secunda N. Achaemenid Colonization in Lydia // REA. 1985. 87. P. 7–29; *idem*. Persian Settlement in Hellespontine Phrygia // AchHist. 1988. № 3. P. 175–196; *idem*. Achaemenid Settlement in Caria, Lycia and Greater Phrygia // AchHist. 1991. № 6. P. 83–143.

¹⁴ Cook. Op. cit. P. 180. О скудной почве и суровых климатических условиях большей части центральной части Малой Азии см., в частности, Mitchell S. Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. V. I. Oxf., 1993. P. 143–148.

¹⁵ Secunda. Achaemenid Settlement... P. 97; Zahle J. Achaemenid Influences in Lycia (Coinage, Sculpture, Architecture). Evidence for Political Changes during the 5th Century BC // AchHist. 1991. № 6. P. 145–160.

¹⁶ С.Ю. Сапрыкин (Saprykin S.Yu. Tempelkomplexe im Pontischen Kappadokien // Jahrb. für Wissenschaftsgeschichte. 1989. Bd 4. S. 125f) склоняется к более ранней дате, П. Бриан (Rois... P. 460) – к более поздней. Не вполне ясно, существовал ли уже город Зела ко времени основания храма, как считает С.Ю. Сапрыкин. Мне кажется, что в действительности они были заложены одновременно, как это следует из сообщения Страбона. О дальнейшем развитии Зелы см. Boffo L. I re ellenistici e i centri religiosi dell'Asia Minore. Florence, 1985. P. 31–33; Olshausen E. Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos – ein erster Bericht // ANRW. Bd 18. Hbd 3. В.–N.Y., 1990. S. 1870 f.

которой основывались завоевания Кира¹⁷. Поселение процветало, так что во времена династии Митридатидов здесь было множество храмовых рабов и под властью жрецов находились обширные священные земли. Святилище стало столь значительным потому, что именно здесь население Понта отправляло свои самые священные обряды (Strabo. XII. 3. 37. С 559). Очевидно, сначала население Зелы должно было состоять почти исключительно из персидских колонистов. Трудно сказать, когда именно прекратило свое существование персидское поселение, но даже во времена Митридата Евпатора Зела все еще оставалась центром персидской культуры и религии, и здесь жило множество знатных семей чисто иранского происхождения. К сожалению, у нас нет упоминаний о видных персидских родах, привлеченных сюда этим святилищем, подобно тому, как «княжеские» династии Багадата и Ариарамна благодаря эпиграфическим свидетельствам связываются с культом Артемиды/Анаит в Амизоне в IV в. до н.э. (но их отношения с этим культом, вероятно, восходят ко временам Ахеменидов)¹⁸. В Зеле же и ее округе Зелитиде сохранилось лишь небольшое количество надписей, и они не содержат персидских имен, подобных, например, тем, которые сохранились вблизи святилища Анаит в Гипепах вплоть до римского императорского времени¹⁹.

Персидские имена, однако, спорадически встречаются на территории Понтийского царства²⁰. Конечно, нельзя не заметить, что правящая династия указывала на свое персидское происхождение употреблением имен Митридат и Фарнак, и, естественно, самый яркий пример дал Митридат Евпатор, назвав своих сыновей персидскими именами: Ариарат, Митридат, Махар, Ксифар, Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр, Фарнак, Кир²¹. Имя Фарнак, кажется, было особенно популярным в Понте²²: мы обнаруживаем, что его носили дядя и племянник из Амиса²³; оно встречается в другой надписи из Амиса, а также в Синопе, Амастрии и Фазимонитиде, а в женской форме – Фарнакида – в Лаодикее²⁴. Из Амиса происходит эпитафия III в. до н.э. с именами Багес и Тис²⁵. В Амасии отмечены имена Майфат (SP III. 95b)²⁶, Фарнабаз (SP III. 95a), Сиссий (SP III. 98) и Сусунис (SP III. 113). Поскольку Страбон был уроженцем Амасии, этот город также мог быть родиной его дяди Моаферна (другая форма персидского

¹⁷ Briant. Rois... P. 27–29. «Распространение персидских культов в Малой Азии – это самый надежный ориентир, свидетельствующий о наибольшей концентрации персидских поселений в этих богатейших сатрапиях» – Mitchell. Op. cit. V. I. P. 29. См. также Debord. Op. cit. P. 264–267.

¹⁸ Публикация надписи: Robert J. et L. Fouilles d'Amyzon en Carie. I. Exploration, histoire, monnaies et inscriptions. P., 1983. P. 98–117. Интересен также анализ, проведенный П. Брианом (Briant P. Les iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire achéménide. À propos de l'inscription d'Amyzon // DHA. 1985. 11. P. 167–195), который усматривает возрастание влияния греческой городской жизни на иранцев в Малой Азии после смерти Александра. Он придает меньшее значение сохранению персидских имен и культов и их влиянию на культуру региона, нежели Ж. и Л. Робер.

¹⁹ См. Robert L. Monnaies grecques de l'époque impériale. I. Types monétaires à Nuyaira // RN. 1976. № 18. P. 25–49.

²⁰ Возможно, не столь широко, как в Каппадокии, «un vrai conservatoire des noms iraniens»: Robert L. Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. P., 1963. P. 519. Можно также упомянуть о персидской керамике: «Персидское проникновение в понтийскую зону и Каппадокию отражается обыкновенно в широком употреблении дихромной керамики, испытывающей, как обычно, греческое влияние» – Mellink M. // CAH. V. IV. Ed. 2. 1988. P. 231.

²¹ App. Mithr. 15; 64; 102; 107; 108; 110; 117. В отношении своих дочерей он, кажется, придавал этому обстоятельству меньшее значение: они носили как греческие, так и персидские имена: Афинаида, Евпатра, Клеопатра, Ниса, Митридатиде, Орсабарис, Дрипетина (App. Mithr. 66; 108; 117; Val. Max. I. 8 ext. 13; Amm. Marc. 16. 7. 9–10).

²² Интересно обсуждение этого имени в работе: Secunda. Achaemenid Settlement... P. 101 f.

²³ Durugönül S. Zwei Grabstelen einer Familie aus Amisus (Samsun) // EA. 1992. Ht 19. S. 61–70.

²⁴ Anderson J.H.G., Cumont F., Gregoire H. Studia Pontica. III. Recueil des inscriptions grecques et latines du Pont et de l'Arménie. Brussels, 1910 (далее – SP III). 5 (Амис); 101 (Синопа); Robert. Noms... P. 345 f. (Амастрия); SP III. 57 (Фазимонитиде); SP III. 27 (Лаодикее).

²⁵ См. Olshausen E. Grabstele aus Samsun // LF. 1990. 113. S. 19–20; SEG. XL. 1990. № 1165.

²⁶ Также в Комане Понтийской: Robert. Noms... P. 516 f.

имени Майферн)²⁷. Моаферн был одним из наместников Митридата Евпатора (в Колхиде), но среди довольно значительного числа известных по именам придворных, соратников и подчиненных царя персидских имен на удивление мало: Багой, Митраой (App. Mithr. 10) и Митар (Memn. 27. 2)²⁸. Царский двор, хотя и был глубоко эллинизирован во многих отношениях, тем не менее включал в себя гарем и евнухов (см. ниже), и кажется странным, что здесь не встречается большого количества персидских имен²⁹. Это могло быть просто модой или же можно предположить, что Митридат принял решение с политическим подтекстом – представить миру двор истинно греческого образца.

Если персидская номенклатура оставила лишь незначительные следы в культурных памятниках Понта, то гораздо более заметное наследие персидского прошлого представляли собой многочисленные укрепления (φρούρα), которые являлись характерной чертой местного пейзажа и, очевидно, служили одним из главных средств административного контроля³⁰. Не все они были созданы Ахеменидами – так, только Митридат Евпатор построил 75 крепостей в восточной части Понта вплоть до Армении (Strabo. XII. 3. 28. С 555), – но они были типичны для империи Ахеменидов³¹. Э. Ольсхаузен выделил в Понте три их главных вида³². Наиболее распространенным был тот из них, в котором исследователь видит административный центр: крепость, предназначенная для наблюдения за окружающей областью, удобная для доступа со стороны прилегающего района и для сельского населения, доставляющего сюда возложенные на него подати. Начальнику гарнизона (φρούραρχος) вменялись в обязанность охрана и оборона территорий и защита интересов царя. В качестве примеров Э. Ольсхаузен приводит Пимолису и Газиуру (XII. 3. 15. С 547; 40. С 562). Два других типа являлись, по преимуществу, сугубо военными укреплениями. Это сокровищница – часто отдаленная, труднодоступная и сильно укрепленная (Кайнон Хорион – Strabo. XII. 3. 31. С 556), и крепость, расположенная в стратегически важном пункте для защиты определенного района. Когда Страбон говорит о крепостях в Каппадокии, он подчеркивает именно аспект военной безопасности (XII. 2. 29. С 539).

Если крепости были (по крайней мере, отчасти) наследием персидских времен, то наиболее распространенная форма социальной организации, деревня, вряд ли могла иметь иное происхождение, чем древнеанатолийское. Деревни находились здесь с незапамятных времен. «Деревни от начала и до конца оставались основой общественной жизни в Малой Азии»³³. Наиболее очевидный пример их выдающегося значения в Понте – это равнина тысячи деревень, Хилюкомум (Strabo. XII. 3. 39. С 561). В ходе второй Митридатовой войны Мурена, по словам Аппиана (Mithr. 65), опустошил четыреста принадлежащих Митридату деревень. Д. Глю в статье, которая скоро выйдет из печати, высказывает предложение, что здесь речь идет не о точном

²⁷ Strabo. XI. 12. 18. С 449; XII. 3. 33. С 557. Об этом имени см. Robert. Noms... P. 516. Not. 3.

²⁸ Митраой Аппиана и Митар Мемнона – это, предположительно, один и тот же человек на разных этапах его карьеры, а имя его, возможно, является какой-то формой имени Митра. Обычно его считают персидским – см., например, Robert. Noms... P. 217, но Н. Секунда (Achaemenid Settlement... P. 86) рассматривает его как греческое, что выглядит неубедительно.

²⁹ Об эллинизации двора см. особенно: Olshausen E. Zum Hellenisierungsprozess am Pontischen Königshof // AncSoc. 1974. № 5. S. 153–170.

³⁰ Mitchell. Op. cit. P. 84 – дает список всех упомянутых Страбоном крепостей. См. также Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. V. II. Princeton, 1950. P. 1070. Not. 10.

³¹ См. Briant. Rois... P. 188–194 – о Малой Азии, а о системе в целом – Tuplin C. Persian Garrisons in Xenophon and Other Sources // AchHist. 1988. № 3. P. 67–70.

³² Olshausen E. Der König und die Priester. Die Mithridatiden im Kampf um die Anerkennung ihrer Herrschaft in Pontos // Stuttgarter Kolloquium zur Hist. Geogr. des Altertums. I. 1980. S. 198 f.

³³ См. особенно Mitchell. Op. cit. P. 170, 176–181; Brian. Rois... P. 137–160. Также Broughton T.R.S. Roman Asia // Economic Survey of Ancient Rome / Ed. T. Frank. Baltimore, 1938. P. 628–648; Magie. Op. cit. V. II. P. 1022–1026.

количестве; скорее, имеется в виду топоним Тетракосиокомум, возможно, образованный по аналогии с Хилиокомум³⁴.

Столь же показательным символом устойчивой анатолийской преемственности в Понте был крупнейший храмовый центр Ма в Комане с шестью тысячами храмовых рабов и обширными священными землями, подчиненными власти верховного жреца, который считался вторым по достоинству лицом в стране после царя (Strabo. XII. 3. 32; 34. 6. С 557–559)³⁵. Также анатолийским по происхождению, хотя, возможно, и не таким древним, было третье из знаменитых храмовых хозяйств Понта – Мена Фарнака и Селены в Америке (Strabo. XII. 3. 31. С 556)³⁶. Добавление имени Фарнака в родительном падеже к имени бога предположительно должно означать основателя святилища. Принимая во внимание тот факт, что понтийские монархи освящали свою царскую клятву именем Мена Фарнака, и учитывая важное значение луны в гербе понтийских царей, можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что упоминаемый здесь Фарнак – это царь II в. до н.э., носивший такое имя³⁷. Для царского дома Понта могло иметь также особое значение установление чрезвычайно тесных связей с таким великим анатолийским божеством, как Мен, в качестве своего рода противовеса древнему могуществу жреца Ма в Комане³⁸.

Последним важным физическим и культурным компонентом Понтийского царства были греческие города, расположенные вдоль узкой прибрежной полосы – Амастрия, Синопа, Амис, Трапезунт³⁹. Большая часть приморской зоны изолирована от внутренних территорий Понтийскими горами, так что шансы на проникновение греческого влияния в коренные понтийские земли были невелики. Единственное исключение представлял собой Амис, поскольку от этого города начиналась большая дорога, пересекающая Понт с севера на юг и проходящая через Амасию, Зелу и далее – в Каппадокию⁴⁰. Можно быть уверенным, что наиболее приближенным по стилю жизни к греческому полису из поселений на внутренних территориях была Амасия. Страбон называет Амасию полисом, но обозначает ее и как *φρούριον* (XII. 3. 39. С 561), и конечно же, при Фарнаке город находился под управлением *φрурарха* (SP III. 94 = OGIS 365). Само по себе это не является неизбежным показателем неполисного статуса, поскольку Страбон (XII. 3. 11. С 546) также сообщает, что Митридат Евпатор назначил Ваххида *φрурархом* всецело греческого полиса Синопы. Страбон, вероятно, подразумевал здесь военные и гражданские функции поселения. Использование им слова «полис» также не является реальным указанием на полисный статус, так как он использует это слово для обозначения Команы Каппадокийской и Команы

³⁴ Я благодарен Деннису Глю, ознакомившему меня с этой статьей до ее публикации.

³⁵ *Boffo*. Op. cit. P. 27–31; *Olshausen*. Götter... S. 1886 f. О возможной древности культа см. *Saprykin*. Op. cit. P. 127 f.

³⁶ *Boffo*. Op. cit. P. 33 f.; *Olshausen*. Götter... S. 1887 ff.

³⁷ Вряд ли можно исключить, что храм первоначально был основан много раньше, вероятно, Фарнаком, мужем Атоссы, тетки Кира. См. *Drexler H., Roscher W.H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. I, 2. 1894–1897. Sp. 2752. О гербе понтийских царей см. *McGing*. Op. cit. P. 97.

³⁸ См. *Olshausen*. Der König... S. 97.

³⁹ Работа Д.Р. Вильсона (*Wilson D.R.* The Historical Geography of Bithynia, Paphlagonia and Pontus in the Greek and Roman Periods. B. Litt. thesis. Oxf., 1960 – одно из лучших описаний Понта, теперь значительно дополнено: *Olshausen E., Biller J.* Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithridatiden. Wiesbaden, 1984. См. также полезное резюме Э. Ольсхаузена: *Olshausen E.* Stadt und Land, Griechen und Iranier, Könige und Priester – zu den Herrschaftsverhältnissen im hellenistischen Pontos // Die Alte Stadt. 1989. № 16. S. 289 f. Амастрия была основана царицей того же имени, женой гераклеийского тирана Дионисия (Strabo. XII. 3. 10. С 544). Она была принцессой из персидской царской фамилии, племянницей Дария, но основала город путем объединения четырех греческих поселений – Тия, Сезама, Кромны и Китора, и мы не имеем особых оснований предполагать, что она привнесла в основание этого города какие-либо персидские черты. О городе см. *Robert L.* À travers l'Asie Mineure. Poètes et prosateurs, monnaies grecques, voyageurs et géographie. P., 1980. P. 151–163; *Marek C.* Amastris: Geschichte, Topographie, archäologische Reste // MDAI (I). 1989. № 39. P. 373–389.

⁴⁰ *Munro J.A.* Roads in Pontus, Royal and Roman // JHS. 1901. 21. P. 52–56.

Понтийской, очевидно, лишь для характеристики их многолюдности и процветания, но совсем не потому, что они в чем-то были подобны настоящим греческим полисам. Греческие надписи доримского времени из внутренних областей Понта чрезвычайно редки, но из Амасии происходит целых четыре: посвящение фрурарха Метродора в честь царя Фарнака (SP III. 94); другое – посвящение в честь Фарнабаза, сделанное по приказу Мериона, также, возможно, фрурарха (SP III. 95a); третье, в котором содержится слово ἀρχιερεύς, и, наконец, надгробная эпитафия Майфата, сына Туга (SP III. 95b). Если официальный язык, насаждаемый царями при дворе, или, по крайней мере, устанавливаемый ими стиль жизни были греческими (см. ниже), то вполне логично ожидать, что фрурархи использовали в своих надписях именно греческий язык. Однако то обстоятельство, что по-гречески были составлены надписи, имеющие отношение к вопросам культа, а также надгробная эпитафия, может отражать некоторую степень эллинизации Амасии или хотя бы стремление следовать греческим образцам. Официальный запрет на вход внутрь гарнизона Газиуры без разрешения начальника крепости (ἀκροφύλαξ) (эллинистическое время) также написан по-гречески (SP III. 278), что имеет особое значение, поскольку надпись обнаружена в самой глубинке царства. В надписи содержится интересное различие в мере наказания для нарушившего этот запрет раба (οἰκέτης) и свободного человека: раба подвергнут бичеванию и продадут, а свободный пусть «пеняет на себя» (ἐαυτὸν αἰτιάσεται). В Малой Азии существовали различные виды рабства, но имел ли в виду составитель надписи рабство греческого типа? В поддержку этой возможности допустимо привлечь еще более знаменательную и уникальную посвятельную надпись III в. до н.э. (?), выполненную на скале в Газиуре. Это – посвящение богу Гермесу, в котором отмечена победа местного атлета Антифилида, сына Антифилида, в состязаниях мальчиков по бегу с факелами, проходивших, очевидно, в Византии⁴¹. Текст сильно поврежден и очень неясен, но все же поддается прочтению. Обычный вариант таков: Ἀντιφιλίδης Ἀντιφιλίδου Βυζάντιον παῖδας λαμπάδι κικῶν Ἐρμῆϊ. Л. Робер осторожно предложил читать Βυζάντιος – как этникон Антифилида. Отсюда следует, что игры, на которых он стал победителем, проводились не в Византии, а в Газиуре. Другими словами, в городе существовал гимнасий – невременный атрибут греческой общины. Как отметил Л. Робер, в этом случае появляется существенное доказательство действительной эллинизации Понта. Насколько мне известно, он не придерживался в своих дальнейших работах данного предположения. Оно, в самом деле, выглядит маловероятным для столь раннего периода истории царства. Но даже если мы примем обычную интерпретацию надписи, а именно: игры проводились в Византии, то появление в Газиуре греческого атлета, возможно, должно служить предостережением против того, чтобы преуменьшать масштабы эллинизации страны только на основании недостатка свидетельств.

Особое значение для культурной атмосферы в Понте имела, конечно, политика царей. Правители Понта вели свою родословную от одной из знатнейших персидских семейств, стоявших у власти в Даскилейской сатрапии, где их резиденцией служил город Киос⁴². В ходе событий, последовавших за смертью Александра, семейство Митридатидов оказалось вовлеченным в дворцовые интриги диадохов. Митридат II Киосский и его сын Митридат III были придворными Антигона Одноглазого. Отец был убит по подозрению в сговоре с Кассандром (Diod. XX. 111. 4), и только сын сумел бежать, поскольку его друг Деметрий предупредил его об опасности. Эти

⁴¹ *Bean G.* Inscriptions from Pontus // *Belleten.* 1953. № 17. P. 171 f. Надпись прокомментирована Л. Робером: *Robert L., Firatli N.* Les stèles funéraires de Byzance greco-romaine. P., 1964. P. 154 f.

⁴² «Род Ариобарзанидов в Киосе представлял собой младшую ветвь каппадокийской династии Митридатидов, представители которой направились в новые земли на запад» – *Sekunda.* Persian Settlement... P. 181. О генеалогии династии см. *Meyer Ernst.* Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Lpz., 1925. S. 157 f.; *Geyer F.* Mithridates // *RE.* Bd XV, 2. Sp. 2157; *McGing B.C.* The Kings of Pontus: Some Problems of Identity and Date // *RhM.* 1986. 129. P. 248 f.

представители иранской знати были, таким образом, способны и готовы играть роль эллинистических владык, и они уже могли подвергнуться поверхностному влиянию эллинизации. Не существует, однако, свидетельств, которые позволили бы предположить, что они пытались отказаться от своего древнего и славного персидского прошлого: они оставались во всех отношениях иранской династией. Когда Митридат III Киосский (Митридат I Понтийский) утвердил свое господство в крепости Кимиае в Пафлагонии, сопровождаемый лишь шестью всадниками, – явно имея намерением воссоздать ту ситуацию, в которой пришел к власти Дарий⁴³ – он вряд ли мог организовать вокруг себя что-либо кроме чисто персидского двора⁴⁴. Нам очень мало известно о раннем периоде экспансии Понтийского царства, но можно представить, что она осуществлялась за счет комбинирования интриг и силы, которые были необходимы для закрепления в малоазийском регионе⁴⁵. Совсем немного знаем мы и о том, как Митридат I управлял своим двором, но знаменательно, что первые монеты понтийских царей представляют собой копии золотых статеров Александра и несут изображение Афины и Ники с греческой надписью «царя Митридата». Мы не можем с уверенностью отнести их к Митридату I, но, бесспорно, они больше походят на монеты кого-либо из диадохов, чем Ахеменидов. Греческий язык, очевидно, с самого начала имел при дворе статус официального, и это интересная иллюстрация к тому, как цари (по крайней мере, в одном аспекте) хотели представить себя миру. Они могли бы, к примеру, выпускать монеты персидского типа с арамейской легендой, подобно Датаму; однако, когда царь впервые решил поместить на монетах свой портрет, его образ был резко отличен от греческого. Это можно особенно отчетливо увидеть, в частности, на монетах Фарнака: в его портрете отсутствуют какие-либо притязания на греческие образцы. Скорее, в них читается уверенное утверждение прямо противоположного: хотя царский двор Понта мог принять определенные греческие обычаи, сами цари не стремились быть эллинами⁴⁶. Только во время Митридата Эвергета и его сына Евпатора это вызывающее неприятие эллинского уступает место идеализированному греческому портрету⁴⁷.

Другой сферой эллинизации, представляющей типичной для поведения царских дворов эллинистического мира, выступает заключение стратегических брачных союзов: уже на ранних стадиях истории Понта его цари обратились для заключения подобных альянсов к Селевкидам. Митридат II женился на сестре Селевка II Каллиника и, возможно, отдал одну из своих дочерей, Лаодику, как будущую невесту за Антиоха Гиеракса (а в действительности она вышла замуж за Ахея, родственника и приближенного Антиоха III). Сам Антиох III женился на другой Лаодике, тоже представительнице династии Митридатидов. Фарнак взял в жены селевкидскую принцессу, и Митридат V Эвергет, возможно, поступил так же⁴⁸. Вполне понятно, что молодая (по крайней мере, в отношении времени правления) династия, подобная Митридатидам, стремилась всеми средствами приобрести престиж и признание за счет присоединения к могущественным Селевкидам. Но такие связи предоставляли

⁴³ *Panitschek P.* Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien // *RSA.* 1987–1988. 17–18. P. 88.

⁴⁴ Комментируя появление имен Багес и Тис в эпитафии III в. до н.э. из Амиса (см. выше, прим. 25), издатели *SEG XL.* 1990. № 116 отмечают: «Эти два имени могут быть связаны с возрастающим присутствием персов в администрации Понта со времени воцарения Митридата I Ктиста (301–266 гг. до н.э.)».

⁴⁵ См. *McGing.* *The Foreign Policy...* P. 16–20.

⁴⁶ *Davis N., Kraay C.M.* *The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History.* L., 1973. № 200–203.

⁴⁷ *Smith R.R.R.* *Hellenistic Royal Portraits.* Oxf., 1988. P. 122; о монетах понтийских царей см. *Wroth W.* *Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus.* L., 1889; *Waddington W.H., Babelon E., Reinach T.* *Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure.* T. I, I. P., 1904; *Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung von Aulock.* Bd 1–3. B., 1957; Bd 15. B., 1967.

⁴⁸ О династических браках в эпоху эллинизма см. *Seibert J.* *Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit.* Wiesbaden, 1967. О политике понтийских царей: *McGing.* *The Foreign Policy...* P. 21–23, 32, 38.

определенные преимущества и другой стороне. Селевкиды, без сомнения, были рады усилить мощь своей империи посредством системы брачных союзов, а связи с Митридатидами могли принести и иную выгоду. Столкнувшись с обычным македонским стилем и практикой управления, Селевкиды обнаружили, что понтийские принцессы предложили им нечто от «великолепия, иерархии и дворцовой царской идеологии Ахеменидов»⁴⁹. Митридатиды получили признание со стороны эллинистического мира, а Селевкиды – уважение со стороны иранцев. Приобретение признания у греческого мира вообще и греческих городов Понта в частности также должно было быть целью дипломатии, проводимой Митридатидами в чисто эллинистическом стиле. Первый явный пример такого рода – помощь, отправленная Митридатом II Родосу после великого землетрясения 227/6 г. до н.э. Связи Фарнака с Херсонесом, Одессосом, Делосом и Афинами показывают в действии тот же процесс, ускорившийся в правление Митридата Эвергета, когда мы впервые сталкиваемся с признаками дворцовой титулатуры, типичными для эллинистических монархий⁵⁰.

Стремление царей Понта подчеркивать, что, несмотря на некоторую подверженность греческому влиянию, они все же во всем оставались персами, видно из их притязаний на происхождение от персидского царского дома или, по крайней мере, от высшей знати. Полибию были известны (V. 43. 2) заявления о происхождении династии от одного из семи персов уже во времена Митридата II, и такого рода претензии почти наверняка восходят к тем временам, когда Митридатиды правили в Киосе⁵¹. Нет сомнений в том, что Митридат Евпатор имел в своей биографии один пункт, который подпитывался его притязаниями (неважно, обоснован он был или нет) о том, что он возводит свое происхождение к Ахеменидам, Селевкидам или Александру; и у его предшественников также были свои основания для различных претензий на персидское происхождение, которые они выдвигали. П. Паничек подчеркивает значение этих притязаний для легитимизации власти в стране и считает, что эта пропагандистская деятельность проводилась не столько в отношении собственных подданных, сколько в отношении Каппадокии (те же мотивы имели место и в пропаганде каппадокийских царей)⁵². Это мнение базируется на ошибочном, как мне кажется, предположении, что оба царских дома имели вполне прочные позиции с точки зрения признания легитимности их власти со стороны собственных народов. Это не означает, что подобная пропагандистская деятельность не была также направлена на Каппадокию (и вообще на кого бы то ни было, кто мог бы находиться под впечатлением от ахеменидского происхождения). Но в Понте цари почти наверняка считали необходимым оправдывать и узаконивать свои позиции, по крайней мере, в отношении могущественных и древних храмовых общин⁵³. Сравнительно недавно придя к власти, они нуждались в почтении со стороны своего народа. Интересно то, что они пытались добиться этого, подчеркивая свое персидское происхождение. Это явно свидетельствует о глубине и прочности персидских традиций среди населения Понта: цари искали и, очевидно, добились утверждения и легитимизации своих прав именно потому, что были представителями персидской знати.

Во время правления Митридата VI Евпатора Понтийское царство в первый и последний раз в своей истории заняло центральные позиции в греко-римском мире. Количество источников, столь незначительное до этого момента, возрастает во много раз, и мы уже можем немало сказать о том, что тогда представлял собой Понт и чем

⁴⁹ *Sherwin-White S.M., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire. L., 1993. P. 38.*

⁵⁰ См. о деталях: *McGing. The Foreign Policy... Ch. 2.*

⁵¹ *Panitschek. Op. cit. S. 84.* См. также важные выводы Эд. Мейера: *Meyer Ed. Geschichte des Königreichs Pontos. Lpz, 1879. S. 31–38.*

⁵² *Panitschek. Op. cit. S. 82 f.*

⁵³ *Olshausen. Der König... – интересно и убедительно прослеживает историю этой конфронтации.*

он мог стать⁵⁴. Было бы излишним повторять то, что известно о разнообразных аспектах филэллинской политики Евпатора – в дипломатии, монетном деле, скульптуре, организации двора и подражании Александру⁵⁵. Больше не может быть сомнений в том, что Митридат непрерывно предпринимал попытки доказать, что хотя бы один из его обликов, обращенных к миру, был целиком греческим. Часто, однако, возникает опасность, проследивая греческое влияние на чужеземные культуры, в особенности, когда такие влияния действительно были столь многочисленны, что греческий элемент был преобладающим и господствующим⁵⁶. Эллизм Евпатора включал в себя столько аспектов, что мы можем не удержаться от искушения думать, будто он и его семья во всех отношениях стали греческой династией, засомневаться, не стало ли царство Митридата во всех отношениях греческой монархией. Я хотел бы подчеркнуть здесь, что иранские начала продолжали сохранять свое значение на всем протяжении царствования Митридата Евпатора. Я уже указывал на то, что кажется мне иранскими элементами в рассказах о его рождении и юности (Iust. Epit. 37–38)⁵⁷: звезда и молния, сопровождавшие его рождение; семь лет его скитаний в горах и лесах, полные лишений и охотничьих приключений; попытки его телохранителей разделаться с ним, заставив его скакать на необъезженном коне и метать с него дротик. Как и во многих других чертах его политического образа, здесь восточные традиции смешаны с западными, поскольку в этих рассказах налицо элемент подражания Александру.

Такая же «смесь» существовала и при понтийском дворе. Он был полон людей, получивших хорошее греческое образование, а администраторы и придворные носили титулы, принятые в эллинистическом мире, но в то же время Евпатор содержал гарем и евнухов, как типичный восточный владыка⁵⁸. Для евнухов были открыты возможности достичь высокого положения. Так, евнух Дионисий вместе с Варием и Александром командовал 10 тысячами воинов и 50 кораблями во время третьей войны с Римом (App. Mithr. 76–77). Евнух Вакхид, отправленный уничтожить царский гарем в Фарнакии, чтобы он не был захвачен Лукуллом (App. Mithr. 82, где приводится имя Вакх; Plut. Luc. 18), – это, возможно, тот же самый Вакхид, о котором Страбон сообщает как о фрурархе Синопы (XII. 3. 11. С 546). Другие евнухи, известные по именам – это Птолемей, давший Митридату своего коня, когда тот бежал от Лукулла (Plut. Luc. 17. 4), Трифон (App. Mithr. 180) и ужасный Гавр (Val. Max. IX. 2 ext. 3). В самом конце жизни Митридата, когда он лишился всякой поддержки, те, кто выступил против него, заявили, что они хотят, чтобы ими управлял молодой царь вместо старого, отдавшегося на волю своим евнухам (App. Mithr. 110). И действительно, когда в это время Митридат был болен, доступ к нему имели только три евнуха (ibid. 107); его солдаты тоже плохо относились к евнухам, так как они приобрели при Митридате слишком большую власть (ibid. 108). Особенно важно, что все упоминания о евнухах, кажется, собраны в рассказе о конце его правления (история о том, как Митридат был очарован Стратоникой, отец которой, проснувшись, обнаружил в своем доме богатства и евнухов с рабами, протягивающих ему драгоценные одежды (Plut. Rom. 36. 2–6), не имеет точной даты). Все это может отражать возрастающее влияние евнухов при дворе Митридата, как предполагал еще

⁵⁴ Самая последняя работа о Митридате – отличная глава, написанная Дж.Г.Ф. Хайндом (*Hind J.G.F. // САН. V. IX. Ed. 2. 1994*), а также книга Л. Баллестерос Пастора (*Ballesteros Pastor L. Mitrídates Eupator. Granada, 1995 – non vidi*).

⁵⁵ О последнем см., в частности: *Bohm C. Imitatio Alexandri in Hellenismus. Untersuchungen zum politischen Nachwirken Alexanders des Grossen in hoch- und spathellenistischer Zeit. München, 1989*. В целом см. *McGing. The Foreign Policy... P. 89–108*.

⁵⁶ Это, в частности, так в вопросе о конфронтации греков с иудаизмом; см. предостережение Ф. Миллара: *Millar F. The Background to the Maccabean Revolution: Reflection on Martin Hengel's «Judaism and Hellenism» // JJS. 1978. 29. P. 12*.

⁵⁷ *McGing. The Foreign Policy... P. 43–46*.

⁵⁸ О гареме Ахеменидов и роли евнухов см. *Cook. Op. cit. P. 136*.

Т. Рейнак⁵⁹, т.е. возвращение к своего рода «ориентализму», к которому он естественным образом пришел в конце жизни. Упоминания о гареме также связаны почти исключительно с последним этапом его карьеры. Стратоника была его любимой наложницей, и он даже передал под ее командование одну из своих крымских крепостей (App. Mithr. 107; Plut. Pomp. 36). Другая наложница, занимавшая высокое положение, Гипсикратия, скакала верхом и была вооружена как персидский воин (Plut. Pomp. 32). Тигран спас гарем Митридата из Тигранокерты (App. Mithr. 85), но Вакхид (или Вакх) уничтожил его в Фарнакии (App. Mithr. 82; Plut. Luc. 18. 1–6). Гарем, естественно, не мог появиться только в конце правления Митридата: во время первой войны против Рима, когда царь захватил Стратоникею, он увидел там прекрасную женщину по имени Монима и включил ее в число своих жен (ἐς τὰς γυναῖκας ἀνεδέξατο – App. Mithr. 21). Это сообщение звучит как явное свидетельство о существовании гарема. Позже Монима горько сожалела о своей судьбе: ее красота дала ей господина вместо супруга, варварскую стражу вместо семьи и замужества, вдали от радостей, о которых она мечтала в Греции (Plut. Luc. 18. 4). Заключение восточного брака стало для нее очевидной ошибкой.

Если в начале своего правления Митридат уделял меньше времени гарему и внухам или содержал их не на виду у всех, то в других аспектах организации своей власти он не опасался заявлять о себе как о наследнике Ахеменидов. Таковы, например, его великолепные жертвоприношения Зевсу Стратию в 82 и 73 гг. до н.э. (App. Mithr. 66; 70). Э. Ольсхаузен выделяет три ипостаси Зевса Стратия: доиранскую, иранскую и греческую. Это, может быть, и так, но Аппиан (Mithr. 66) проводит сравнение с жертвоприношениями персидских царей в Пасаргадах, что может привести к выводу о первоочередном значении для Митридата именно Ахура-Мазды, какое бы имя он не носил⁶⁰. Еще более показательный пример – принятие Митридатом титула «царь царей», что впервые было отмечено при его жизни (позже его внучка Динамия ретроспективно называет его так [CIRB 979]) в посвящении из Нимфея⁶¹. Надпись сохранилась фрагментарно, но она явно имеет отношение к Митридату VI. Мы имеем достаточное количество связанных с Евпатором эпиграфических материалов, и, если это был постоянно употреблявшийся вариант его титулатуры, то странно, почему он больше нигде не появляется. Ю.Г. Виноградов развивает сложную теорию, согласно которой титул «царь царей» после того, как Митридат II Парфянский носил его в 110–89/88 гг. до н.э., стал как бы вакантным, и Митридат Евпатор принял его во время первой войны против Рима. Затем он передал его в пользование своему зятю Тиграну Армянскому, а в самом конце жизни он вновь приобрел этот титул и носил его в течение двух лет. Одной фрагментарной и недатированной надписи вряд ли достаточно для построения столь детализированной концепции. Настораживает отсутствие других свидетельств, хотя оно и является *argumentum ex silentio*. Возможно, например, что граждане Нимфея каким-то образом сами использовали этот титул (скажем, по подстрекательству Махара – правителя Понтийской державы в Крыму), и он никогда не был частью официальной титулатуры Митридата. С другой стороны, во время первой войны с Римом царь начал сатрапов (см. ниже), и, возможно, в течение некоторого времени он действовал в соответствии с обычной практикой Ахеменидов. Следовательно, мы должны ждать дальнейших эпиграфических находок для подтверждения любой теории, построенной на основании единственной надписи.

Я полагаю, что Митридат осознанно использовал персидское слово «сатрап» для обозначения своих наместников в тех или иных областях. Хотя Александр также

⁵⁹ Reinach T. *Mithridates Eupator, König von Pontos*. Lpz, 1895. S. 289.

⁶⁰ См. особенно Boyce M., Grenet F. *A History of Zoroastrianism*. V. III. Leiden, 1991. P. 297–301; Olshausen. *Götter...* S. 1901 ff.

⁶¹ См. комментарии Ю.Г. Виноградова: *Bull. Ep.* 1990. № 589. Также SEG XXXVII. 1987. № 668 и самая последняя работа: Ballesteros Pastor L. *Notas sobre una inscripción de Ninfeo en honor de Mithridates Eupator, Rey de Ponto // DHA*. 1995. 21. P. 111–117.

назначал сатрапов, этот термин столь прочно ассоциировался с Персидской империей, что Митридат едва ли имел намерение в этом отношении подражать Александру. После убийства Манья Аквиллия в начале первой войны с Римом он назначил сатрапов (App. Mithg. 21). Приказы об ужасной «Азиатской вечерне» были направлены сатрапам и правителям городов (ibid. 22). Из названных по имени сатрапов мы знаем об Эвмахе, назначенном для управления Галатией (ibid. 46), а в известной надписи засвидетельствован сатрап Леонипп (возможно, сатрап Карики)⁶². В недавно обнаруженной надписи стратоникейцы воздают почести одному из граждан, павших в войне с Митридатом (имя не сохранилось, но такое восстановление его весьма вероятно). В тексте содержится упоминание о его сатрапах. Издатель надписи считает, что таким способом подчеркивается варварская сущность понтийского войска, но это может быть просто точным использованием титула, который они носили⁶³. Упоминание о сатрапах порождает вопрос о том, какова была административная структура Понтийского царства. Хотя по этому поводу высказывалось множество предположений, у нас есть лишь очень незначительное количество свидетельств.

Большое число географических названий, оканчивающихся на -itis или -ene (например, Зелитида, Диакопене), упоминаемых Страбоном, вероятно, обозначает административные районы царства Митридата (либо только часть из них, а не все, как думал Рейнак)⁶⁴. Так как Страбон (XII. 3. 37. С. 560) говорит, что Помпей присоединил к территории Зелы множество эпархий, мы можем заключить, что, по крайней мере, в то время Понт был разделен на районы, называвшиеся эпархиями или, может быть, гипархиями. В течение долгого времени обсуждались вопросы, что именно имел в виду Страбон и не стоит ли в его тексте читать «гипархии» вместо «эпархии»⁶⁵. Зелитида могла быть одной из этих эпархий/гипархий и, возможно, священные земли в Комане и Америке составляли такие же административные единицы⁶⁶. С.Ю. Сапрыкин доказывал, что вплоть до времени Митридата Евпатора административные и военные округа Понта назывались стратегиями и управлялись стратегами, а после вступления Евпатора на престол стратегии были объединены в эпархии или диоцезы, находившиеся под управлением епархов или диойкетов⁶⁷. Термин «стратег», конечно, широко применялся в эллинистическом мире для обозначения правителя области; имеется надпись времени Митридата V Эвергета, в честь стратега по имени Алким, который скорее мог быть «наместником», нежели «полководцем»⁶⁸. В течение правления Митридата Евпатора источники упоминают многих стратегов, но обычно в связи с войной, и поэтому невозможно выяснить, кто именно подразумевается в них применительно к какому-либо хронологическому

⁶² Welles C.B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. L., 1934. № 73.

⁶³ Varinlioglu E. *Inschriften von Stratonikeia in Karien* // EA. 1988. 12. S. 105 f.; 106. № 33; SEG XXXVIII. 1988. № 1108.

⁶⁴ См. Olshausen. *Der König...* S. 191–192; Reinach. *Op. cit.* S. 253 f.

⁶⁵ См. Mitchell. *Op. cit.* P. 91. Not. 20. Д. Мэйджи (*op. cit.*, p. 1070. Not. 10) скептически относится к выводу о существовании эпархий, сделанному на основании текста Страбона, но не говорит, почему именно. Осторожность здесь действительно необходима: может быть, эпархии, присоединенные Помпеем к Зеле, были созданы им же самим.

⁶⁶ Дазимонитида в случае с Команой: Saprykin. *Op. cit.* S. 133 f.

⁶⁷ Ibid. S. 132.

⁶⁸ Эта надпись была опубликована Т. Рейнаком: Reinach T. *A Stele from Abonuteichos* // NC. V. 5. 1903. P. 113–119. Она датирована 161-м годом эры, которую не просто определить. Я доказывал, что Эвергет использовал эру Селевкидов, как и Фарнак до него, и, следовательно, надпись датируется 151 г. до н.э.: McGing. *The Kings...* P. 250 ff.; также Burstein S.M. *The Aftermath of the Peace of Apamea. Rome and Pontic War* // AJAH. 1980. 5. P. 1–12; Leschhorn W. *Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros*. Stuttgart, 1993. S. 78 f. Ю.Г. Виноградов (*op. cit.*, p. 559) полагает, что если в этой надписи, как и в IOSPE. I². 402 (договор Фарнака с Херсонесом) использована селевкидская эра (последняя надпись в таком случае будет датироваться 155 г. до н.э.), то для царствования Митридата IV Филопатора Филадельфа остается чересчур маленький промежуток времени (155–152/1 гг. до н.э.). Но мы слишком мало знаем о правлении Митридата IV, чтобы уложить всю имеющуюся информацию, включая монетные выпуски, в трех-четырёхлетний период.

периоду – «наместник» или «полководец». Главным источником о введении должности диоикетов является Страбон (XI. 2. 18. С. 499): когда Митридат устанавливал контроль над Колхидой, он обычно направлял туда одного из своих «друзей» в качестве ἑταρχος καὶ διοικητής. Это единственный случай употребления обоих титулов в царствование Митридата. С.Ю. Сапрыкин необоснованно полагает, что верховный жрец Команы был облечен должностью диоикета, основывая свое заключение на использовании глагола διοικέω Страбоном в связи с Команой (XII. 3. 34. С. 538): ἐπὶ μὲν οὖν τῶν βασιλέων οὕτω τὰ Κομάνα διοικέτω. С учетом приводимой им самим параллели с надписью из Команы Каппадокийской, где упоминается ἀρχιερεὺς καὶ στρατηγός⁶⁹, кажется гораздо более вероятным, что этот титул носил также и верховный жрец Команы Понтийской (а возможно, Зелы и Америи). Я не уверен, что обозначение «стратег» в правление Евпатора должно было исчезнуть. Более того, если мы примем схему С.Ю. Сапрыкина, то где найти в ней место для сатрапов? Состыковать между собой жалкие обрывки свидетельств очень трудно. Мы можем предположить, что коренные земли Понтийского царства были разделены Евпатором на эпархии/гипархии (управляемые предположительно эпархами или гипархами либо, возможно, стратегами или диоикетами) и что новые территориальные приобретения были преобразованы в сатрапии и переданы в управление сатрапам. Но такой вариант оставляет без объяснения, почему (если сообщение Страбона достоверно) Колхида управлялась гипархом/диоикетом. Искать здесь четкую и стандартизированную систему управления почти наверняка было бы ошибочным. Гораздо более вероятно, что в ходе первой войны против Рима Евпатор решил создать особую, применимую к конкретным условиям (ограниченную Малой Азией?) систему назначения сатрапов, тогда как в другом контексте (например, в случае с Колхидой или храмовыми общинами) он хотел использовать расстановку различных должностных лиц. В последнем случае у него не было необходимости использовать устоявшуюся терминологию. Такие действия вполне сочетались с различными политическими имиджами самого царя и его правления, которые он хотел представить в различных местах и в разных обстоятельствах.

В конечном счете более важным, чем проблемы административной организации и терминологии, представляется вопрос о природе отношений между царем, придворными, жрецами, страной и народом. Этот вопрос привлекает к себе пристальное внимание историков, изучающих Малую Азию, в частности, империю Селевкидов, и особенно характер и статус крупных храмовых хозяйств, должностных лиц, осуществлявших контроль над ними, и населения этих общин⁷⁰. В мои намерения не входит вновь обсуждать здесь эту проблему, поскольку эти взаимоотношения были столь многообразны и специфичны, что практически невозможно сказать, выявляют они восточный или греческий стиль управления. В целом я принимаю модель, согласно которой царь был практически единственным собственником земли в своем государстве⁷¹. Конечно, существует период, от которого дошло достаточно свидетельств, чтобы мы могли сказать что-либо определенное относительно храмовых общин Понта: это правление Евпатора. Ясно, что хотя в это время храмы пользовались некоторой независимостью от короны, она была чисто номинальной или формальной: ведь Митридат сам назначал верховного жреца Команы и мог сместить его по своему желанию (Strabo. XII. 3. 33. С. 557). Поскольку последний считался вторым лицом в царстве после самого монарха, жрецы Америи и Зелы вряд ли могли быть более независимы. И, как вновь сообщает Страбон (XII. 3. 37. С. 559), именно

⁶⁹ OGIS 364. О прочтении надписи см. *Robert. Noms...* P. 437 f.

⁷⁰ См. библиографию: *McGing. The Foreign Policy...* P. 7. Not. 27. Исследование Дж.Э.М. де Сент Круа (*Ste Croix de G.E.M. The Class Struggle in the Ancient Greek World: from the Archaic Age to the Arab Conquest. L., 1981. P. 150 f.*), как мне кажется, содержит эффективный анализ этих проблем. См. также основательный комментарий в работе: *Millar F. The Problem of Hellenistic Syria // Hellenism in the East. The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander/Ed. S.M. Sherwin-White, A. Kührt. Berkeley, 1987. P. 112 f., 122 f.; Walbank. Op. cit. P. 126–130.*

⁷¹ См. полезную сводку результатов более ранних исследований: *Saprykin. Op. cit. P. 119–124.*

цари управляли Зелой – не как городом, а как священным округом. Такими могли быть реалии взаимоотношений между центральной властью и подчиненными, но это не уменьшает значения наблюдений над их юридическим оформлением, над системой привилегий и локальными экономическими или идеологическими отношениями. Такой же была и ситуация с греческими городами. Евпатор мог формально ограничивать свое царское право собственности на землю и усиливать право полиса на ее наследование⁷², но только от его воли зависело, принимать или не принимать такое решение. Если полисы выпускали свои монеты, то это явно происходило при наличии каких-то форм контроля со стороны царя⁷³. Но в то же время полисы сохраняли свои институты и внутреннюю администрацию, которые – у нас есть все основания предполагать это – пользовались уважением со стороны царя. То, что С. Митчелл написал о Малой Азии в целом, в равной степени применимо и к Понту как к ее части: «Сложные, малоопределенные и, возможно, противоречивые образцы взаимоотношений помогали укреплять достаточно свободную структуру власти, которая связывала воедино царей, гарнизоны, города, деревни, поместья, крестьян и рабов»⁷⁴.

Нет необходимости и было бы ошибочным попытаться дать точное определение Понту и его царской фамилии с точки зрения культуры. И страна, и ее правящая династия имели множество различных обликов. Понт, хотя он и был изолирован в своей анатолийской твердыне и удален от основного русла ахеменидской и эллинистической культуры, отчасти принадлежал обоим этим мирам, создав свою собственную анатолийскую культуру. Когда понтийская династия предстала, наконец, более открытой нашему пристальному взгляду в период правления Митридата Евпатора, она выглядела наиболее интересной и динамичной. В одном обличье Митридат, окруженный греческими придворными и учеными, принявший организацию и стратегию эллинистических монархий, мог выступать – вне всякого сомнения, довольно убедительно (по крайней мере, в течение какого-то времени) – как защитник азиатских и черноморских греков, как новый Александр, призванный уничтожить варваров-римлян. В другом, столь же убедительном облике, он мог приносить царскую клятву перед великим анатолийским божеством Меном или говорить не менее чем на пятидесяти языках (согласно Аврелию Виктору – 76. 2), так что он имел возможность разговаривать со всеми народами своего царства на их родных наречиях. Он мог – без страха подвергнуться насмешкам – предстать в храме персидских божеств в Зеле, чтобы отправить самые священные обряды, как и его подданные, или устроить жертвоприношение Ахура-Мазде на вершине горы, как его предки Ахемениды, или, также подобно им, разделить свою империю на сатрапии. Каким же был при всем этом настоящий Митридат? Несмотря на заключавшиеся из поколения в поколение брачные связи понтийских царей с Селевкидами, трудно избавиться от впечатления, что он не слишком легко принимал греческий элемент и что именно для этого он должен был прилагать наибольшие усилия. Для монарха древнего персидского происхождения восприятие восточных традиций было менее проблематичным. Когда легионеры Суллы увидели орды понтийской армии, они должны были понять, что столкнулись не с греками. И Монима с горечью осознала, что она вышла замуж за восточного господина. Но Митридат был столь крупной и экзотической фигурой, что, возможно, он сам верил, будто должен превзойти все это. Если он и не мог властвовать над всеми людьми в любых обстоятельствах, то, по крайней мере, он властвовал над собой*.

Б. Макгинг

⁷² Если он действительно делал именно это: существует лишь мимолетное упоминание о его законе относительно наследования (см. Сапрыкин С.Ю. Евпаторов закон о наследовании и его роль в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. № 2. С. 181–197).

⁷³ McGing. The Foreign Policy... P. 93 f.

⁷⁴ Mitchell. Op. cit. V. I. P. 177.

* Перевод О.Л. Габелко.

B.C. McGing

The author traces the milestones of history of Pontic Cappadocia in the Persian and Hellenistic epochs and considers the balance of Greek and Barbarian elements (first of all, those of Iran and Asia Minor) in all spheres of social life of Pontus. For a long time Pontus had not been exposed to considerable Hellenistic impact; later on the policy of the local dynasty of the Mithridates played the leading role in the formation of culture and history of the country.

At certain times it assumed philhellenic character, which manifested itself in Hellenization of the royal court, penetration of the Greek language and culture deep into the interior of the country and matrimonial-dynastic policy of the Mithridates. But the Iranian element was preponderant. Dynastic propaganda of the Pontic monarchs, their policy towards the Greek *poieis* and temple communities, the administrative division of the country bear out this conclusion. Even the reign of Mithridates VI Eupator, the last great monarch of the Hellenistic world, was characterized by the strengthening of Iranian traditions.

История, археология, лингвистика

© 1998 г.

РАЗНООБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ МИРА, РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Некоторое время тому назад начали обнаруживать себя признаки синтеза лингвистики, археологии первобытности и молекулярной генетики¹. Однако попытки выявить точки их соприкосновения наталкиваются на множество скрытых ловушек, и история недоразумений между лингвистикой и археологией способна предложить тому немало поучительных примеров. В особенности это касается умозрительно допустимого соответствия между изменением языков и их филогенезом, с одной стороны, и развитием генетического разнообразия человеческих популяций, с другой², – соответствия, которое, на мой взгляд, отчасти иллюзорно. Ибо оно, как я покажу дальше, устанавливается скорее на основании известного числа примеров, взятых из постплейстоценовой истории расселения человечества (вовлекавшего в себя важные демографические процессы, в ходе которых замещение языков и населения действительно коррелировали), чем на основании выдерживающих строгое сравнение процессов языковой и генетической эволюции или равенства скоростей языкового и генетического расхождения.

Означенные дисперсионные процессы радикально изменили лингвистическую карту мира за последние 10 тыс. лет. Что касается демографических, экономических и социальных процессов, легших в основу существования языковых семей, занявших колоссальные территории, то они должны быть тщательно изучены, прежде чем может быть предложено сколько-нибудь серьезное объяснение их распределения. Более того, сама проблема временной глубины образования языковых семей ставилась отнюдь не безупречно. Глоттохронологические, или лексикостатистические, расчеты, примененные к конкретным парам языков «вглубь» от настоящего времени,

* Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного автором на Всемирном археологическом конгрессе в Нью-Дели в 1994 г.

¹ Renfrew C. Before Babel: Speculations on the Origins of Linguistic Diversity // CAJ. 1991. V. 1. P. 20.

² Cavalli-Sforza L.L., Piazza A., Minozzi P., Mountain J. Reconstruction of Human Evolution: Bringing together Genetic, Archaeological and Linguistic Data // PNAS (USA). 1988. V. 85. P. 6002–6006. Fig. 1.